

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

Борис Ихлов

*Нет ничего практичнее хорошей теории!
Маркс*

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ?

Революционная ситуация - это политическая обстановка, предшествующая революции и характеризующаяся массовым революционным возбуждением, включением широких слоев угнетённых классов в активную борьбу против существующего строя. Революционная ситуация служит показателем зрелости социально-политических условий для революции, для завоевания власти передовым классом.

«Для марксиста, - пишет Ленин, - не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции».

По ленинской версии революционную ситуацию отличают следующие основные признаки:

1) кризис «верхов», т. е. невозможность для господствующих классов сохранить своё господство в неизменном виде. «Кризис политики господствующего класса создаёт ту трещину, в которую прорываются недовольство и возмущение угнетённых классов». Для наступления революции, отмечал В. И. Ленин, «... обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому».

Могли ли верхи на Украине в феврале 2014-го управлять по-старому? Конечно, могли. Еще как.

Хотели ли низы жить по-старому? Конечно, хотели, если трудовые коллективы организовывали антимайданы.

Добавим заранее: произошло ли развитие производительных сил, сменился ли способ производства или сменились ли производственные отношения на более прогрессивные внутри способа производства? Никак нет.

Может, это была антиколониальная революция, освобождение от России? Никак нет, во-первых, Украина стала гораздо более зависима от США, во-вторых, без российских поставок газа, угля, металла и т.д., которые длятся по сей день,

Потому майдан никакой революцией не является.

Продолжим.

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов" («Крах II Интернационала, ПСС, 5 изд., т. 26, с. 218). Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов и др. причинами, вытекающими из противоречий данного строя (например, угроза войны, наступление реакционных сил и др.).

Ну, например! Перед Великой французской буржуазной революцией Францию поразил ряд стихийных бедствий. Засуха 1785 вызвала фуражный голод. В 1787 наблюдался недород шелковых коконов. Это повлекло за собой сокращение лионского шелкоткацкого производства. В конце 1788 только в Лионе насчитывалось 20-25 тыс. безработных. Сильный град в июле 1788 уничтожил урожай зерновых во многих провинциях. Крайне суровая зима 1788/89 погубила многие виноградники и часть урожая. Цены на продовольствие поднялись. Снабжение рынков хлебом и другими продуктами резко ухудшилось. В довершение всего начался промышленный кризис, толчком к которому послужил англо-французский торговый договор 1786. По этому договору обе стороны значительно понизили таможенные пошлины. Договор оказался убийственным для французского производства, которое не могло выдержать конкуренции более дешевых английских товаров, хлынувших во Францию. Точно такое же резкое обнищание масс было перед Великой октябрьской социалистической революцией, и было оно вызвано гибелью и пленением миллионов вчерашних крестьян на фронтах 1-й мировой, переводом производств на военные рельсы, поставками продуктов питания фронту и т.д.

Было ли, я спрашиваю, обострение выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов на Украине в феврале 2014-го? Разумеется, нет, потому февральский переворот революцией не является. Ну, раз революционной ситуации не было, откуда ж революция возьмется, это ж вам не непорочное зачатие. Желание вступить в ЕС на резкое обнищание масс как-то не тянет. Ну, а замануха вроде борьбы с олигархами – это уж из сферы сетевого маркетинга, но никак не революции. При таком-то сладком президенте с хозяином Днепропетровска впридачу.

3) значительное повышение политической активности масс (см. там же), «в "мирную" эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению». Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся к политике.

Было ли такое повышение активности МАСС в феврале 2014-го на Украине? Разумеется, нет, это была проплаченная Госдепартаментом акция, в то время как трудовые коллективы безмолвствовали. Потому никакой революцией майдан не был. Господа типа Игоря Прокопенко или те, кто талдычит про «революцию достоинства», могут расслабиться. Не надо путать хрен с пальцем.

«Без этих объективных изменений, - утверждает Ленин, - независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. Такая ситуация была в 1905 году в России и во все эпохи революций на Западе; но она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было. Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется **субъективная**, именно: присоединяется способность **революционного класса** на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят".»

«Глубинная основа революционной ситуации, - повествует справочник, - **конфликт между производительными силами и производственными отношениями**».

То есть – **революция может быть тогда и только тогда, когда растущие производительные силы пришли в ПРОТИВОРЕЧИЕ со старыми, отжившими, мешающими производственными отношениями**.

Такое противоречие возникло в России к 1917 году между полуфеодальными отношениями и ростом производительных сил, вызванных развитием капитализма, о чем и писал Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России».

Таким образом, ни на Украине, ни в Новороссии не было и запаха революции, т.к. производственные силы не росли, а, наоборот, последние десятилетия только и делали, что деградировали.

В Новороссии продолжается национально-освободительное, антифашистское, антиамериканское восстание. И всё. Ни русский мир, ни империя, ни социалистическая революция, как это думает Боря Кагарлицкий, а антифашистское национальное освободительное восстание. Понятно?

Точно так же в 2001 году, несмотря на обнищание населения в виду вывоза долларовой массы и невыплаты пенсий сложилась не революционная, а всего лишь протестная ситуация, вылившаяся в то же восстание против США. Как и в Перу, Эквадоре, Бразилии, Венесуэле, Никарагуа, Боливии.

[Отметим, что революционная ситуация вовсе не означает, что один общественный строй сменяет другой. Внутри одного и того же способа производства может быть ряд прогрессивных смен производственных отношений. Или, наоборот, регрессивных, если, как говорил Гегель, система не в состоянии удержать противоборствующие стороны в единстве, она просто распадается. Это долгий разговор. Ну, вы помните август 1991 года, когда рост производительных сил столкнулся с одряхлевшими до маразма производственными отношениями. Говорю же – долгий разговор.]

Далее. «Однако этот конфликт преломляется через призму сложной системы социально-политических классовых отношений. Противоречия способа производства определяют революционную ситуацию лишь в конечном счёте. Непосредственно она вытекает из взаимоотношений классов.

Время возникновения революционной ситуации, её формы и темпы развития зависят от всей системы социально-политических отношений: от состояния государственной машины, прочности позиций господствующего класса, от силы революционного класса, его связей с др. слоями населения, накопленного им политического опыта. Обострение противоречий социально-политической жизни, противоречий между господствующими и угнетёнными классами — таковы причины, которые непосредственно определяют возникновение и развитие революционной ситуации.

Революционная ситуация отличается нарастающим динамизмом. В своём развитии она проходит ряд стадий, начиная с явных признаков массового брожения и кончая общенациональным кризисом, перерастающим в революцию. Чем выше стадия революционной ситуации, тем большую роль в её дальнейшем развитии приобретает зрелость **субъективного фактора, т. е. способность и готовность революционных классов** осуществить назревшие преобразования, свергнуть власть господствующего класса. В период общенационального кризиса роль субъективного фактора становится решающей. Не всякая революционная ситуация достигает высшей стадии и превращается в революцию (Революционная ситуация 1859—61 гг. в России, в 1923 г. в Германии и многие др.). Если прогрессивные классы по тем или иным причинам не готовы к активным и организованным действиям, то в развитии революционной ситуации наступает спад, массовое революционное возбуждение гаснет, господствующий класс изыскивает средства удержания власти в своих руках.»

И Ленин указывает, и поздние справочники не грешат, его цитируя, что **субъективным фактором является именно класс, а не партия**. Однако уже Сталин подменил класс партией, о которой он говорил как о касте самых лучших в обществе людей, особых, «меченосцев». Троцкисты (скажем, Роберт Кемпбел Джонс из британской группы «Милитант» по сей день уверяют, что, напр., во Франции в 1968-м потому не произошла социалистическая революция, что не было по-настоящему революционных троцкистов из «Милитант», а были плохие из группы Манделя и «Лют увриер» и была плохая компартия. Ленин же четко разграничил партию и класс.

ПАРТИЯ, КЛАСС, МАССЫ

Однако! Посмотрите: с одной стороны, Ленин не желает понимать, что говорят лидеры II Интернационала, противопоставляющие партию и класс. В «Детская болезнь левизны в коммунизме» он громит II Интернационал путем указания, что, дескать, чего тут рассусоливать, коли всегда так происходит, что пишут всякие волапуки и т.п. Читаем:

«... Возникает вопрос: кто должен быть носителем диктатуры: коммунистическая партия или пролетарский класс?.. Принципиально следует стремиться к диктатуре коммунистической партии или к диктатуре пролетарского класса?!!». ...

Далее («центр»***) («die Zentrale»*) Ком. партии Германии обвиняется автором брошюры в том, что этот «центр»***) ищет пути к коалиции с Незав. с.-д. партией Германии, что «сопрос о принципиальном признании всех политических средств» борьбы, в том числе парламентаризма, выдвинут этим «центром» лишь для прикрытия его настоящих и главных стремлений к коалиции с независимцами. И брошюра продолжает:

«Оппозиция выбрала иной путь. Она держится того мнения, что вопрос о господстве комм. партии и о диктатуре партии есть лишь вопрос тактики. Во всяком случае господство комм. партии есть последняя форма всякого господства партии. Принципиально надо стремиться к диктатуре пролетарского класса. И все мероприятия партии, ее организации, ее форма борьбы, ее стратегия и тактика должны быть приурочены к этому. Сообразно этому со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику, лавирования и соглашательства».

«Специфически пролетарские методы революционной борьбы должны быть усиленно подчеркнуты. А для включения самых широких пролетарских кругов и слоев, которые должны выступать в революционной борьбе под руководством (unter Flihrung) комм. партии, должны быть созданы (sind zu treffen) новые организационные формы на самой широкой основе и с самыми широкими рамками. Это место соединения» (или сбора, Sammelbecken) «всех революционных элементов есть рабочий союз, построенный на базе фабричных (Betriebs-) организаций. В нем должны соединиться все рабочие, которые последовали лозунгу: вон из профсоюзов! Здесь формируется борющийся пролетариат в самых широких боевых рядах. Признание классовой борьбы, советской системы и диктатуры достаточно для вступления. Все дальнейшее, политическое воспитание борющихся масс и политическая ориентировка в борьбе есть задача комм. партии, которая стоит вне рабочего союза...

...Две комм. партии стоят теперь, след., друг против друга: одна -- партия вождей, которая стремится организовать революционную борьбу и управлять ею сверху, идя на компромиссы и на парламентаризм, чтобы создать такие ситуации, которые позволили бы им вступить в коалиционное правительство, в руках которого (deien?) находилась бы диктатура.

Другая - массовая партия, которая ожидает подъема (Emporschlagen) революционной борьбы снизу, зная и применяя для этой борьбы лишь один ясно ведущий к цели (zielklare) метод, отклоняя всякие парламентарные и оппортунистические методы; этот единственный метод есть метод безоговорочного (или беззаветного? giicksichtlos) свержения буржуазии, чтобы затем учредить пролетарскую классовую диктатуру для осуществления социализма»...

...«Там диктатура вождей - здесь диктатура масс! таков наш лозунг».

Таковы наиболее существенные положения, характеризующие взгляды оппозиции в немецкой коммун. партии. Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 года, скажет сразу, прочитав эти рассуждения: «какой это старый, давно знакомый хлам! какое это «левое» ребячество!» Но присмотримся к приведенным рассуждениям поближе. Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; -- что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; -что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; -что политические партии в виде общего правила руководятся более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина? какой-то новый волапуки? С одной стороны, по-видимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными съездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами, прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного, пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократичным» приемам выделения или образования или сохранения «групп вожаков», - люди растерялись и начали выдумывать сверхъестественный

вздор. Вероятно, голландские «трибунисты», которые имели несчастье родиться в маленькой стране, с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения, люди, совсем не выдавшие смены легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бессвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слышали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852-1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были - прямо или косвенно - на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монополично-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т.-е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Договориться по этому поводу до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, взглядов всех цивилизованных людей, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долгой вождей») новых вождей которые говорят сверхъестественную чепуху и путаницу. Таковы в Германии Лауфенберг, Вольфгейм, Хорнер (Horner), Карл Шредер (Karl Schroder), Фридрих Вендель (Friedrich Wendell), Карл Эрлер *(Erler).. Попытки этого последнего «углубить» (по-немецки: verballhornen) вопрос и объявить вообще ненадобность и «буржуазность» политических партий есть уже такие геркулесовы столпы нелепости, что остается только руками развести. Вот уже поистине: из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовищно-большую, если на ошибке настаивать, если ее углубленно обосновывать, если ее «доводить до конца»!

Отрицание партийности и партийной дисциплины - вот что получилось у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии. Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся годами повсюду после завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. **Уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов - это мы сравнительно легко сделали - это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. (Выделено мной, Б. И.)** Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов - самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата.

Рядом с вопросом о вождях - партии - классе - массе следует поставить вопрос о «реакционных» профсоюзах. Но сначала я позволю себе еще пару заключительных замечаний на основании опыта нашей партии. Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На IX съезде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п. Ничего удивительного поэтому, ничего нового,

ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Эта болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче. С другой стороны, быстрая смена легальной и нелегальной работы, связанная с необходимостью особенно «прятать», особенно конспирировать именно главный штаб, именно вождей, приводила у нас иногда к глубоко опасным явлениям.»

Мы видим, что, как часто бывает, из верной посылки оппозиция делает совершенно невообразимые выводы. (Как, например, госкаповцы Юрий Назаренко, группа «Против течения» вместе с итальянской «Лотта коммуниста» и др. не поддержали Новороссию.) Критика Ленина обращена как раз на выводы.

Однако Ленин ошибается, он подменяет один вопрос другим: отношение класса и партии отношением масс и класса.

Тем не менее, он вовсе не игнорирует поставленный вопрос, в целом ряде работ он не выпендривается, не отмахивается пренебрежительно воляпюком, он показывает, что понимает: есть проблемы в отношении «класс – партия».

В «Что делать», где Ленин воюет за партийное руководство против анархии в рабочем движении, он пишет: "Капитализм не был бы капитализмом, - пишет он в той же «Детской болезни левизны», - если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто на половину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; - если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость - и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью."

И нет ни одного члена ни одной компартии, который бы в порыве страсти К СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, не цитировал бы данный отрывок! И никто не продолжит: «Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения, ОБЩЕГО УРОВНЯ пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе.»

Никто не выделит: "...Обманывать себя ...- значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о **постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до своего передового уровня.**" ("Шаг вперед, два шага назад")

Однако – чего тут рассусоливать, коли Маркс с Энгельсом в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» сами пишут: «В силу своего положения рабочий класс в массе своей не только выработать, но и усвоить марксизм без помощи образованной части общества не мог – это под силу лишь передовой, наиболее развитой части рабочего класса.» (Сочинения К.Маркса и Ф.Энгельса. изд. 2, т.16 с.3-11)

Но какую часть класса составляет авангард? Если меньшую, тогда рабочий класс попросту не готов взять и удержать власть. Меньшая часть не имеет права выступать от имени всего рабочего класса. Меньшая часть означает, что в рабочем классе еще не созрел общий коллективный интерес, в том числе политический интерес, он его еще не выражает. А вместо него бегают выражают разнообразные жадные его представители. Если же большую часть, то такому рабочему классу не нужен надсмотрщик и поводырь в виде авангарда. Он сам себе авангард, он сам выразит и реализуется свой интерес.

Дело в том, что через понимание различными политиками отношения «класс – партия» как на ладони видно противоречие между необходимостью революции в России и ее отсталостью, аграрностью. Это противоречие – у самого Ленина.

В 1923 году на 12-м Съезде РКПб было зафиксировано, что диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии. На деле была диктатура партии, а диктатуры пролетариата не было и в помине. Ленин писал, что ситуация в стране определяется узким партийным слоем человек в пятьдесят. Троцкий говорил, что рабочий класс в этот период представляет собой хаотическую массу.

А чего, собственно? Если сам Ленин еще в 1921 году в заключительном слове по отчету ЦК РКП(б) на десятом съезде сказал: *«После того, что мы все эти бедствия пережили, что мы все это практически видели, мы знаем, как чертовски трудно с ними бороться. Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты ...».*

«Диктатура пролетариата, - определяет Ленин, - есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс ("Государство и революция"). Диктатура пролетариата не есть демократия для всех, диктатура пролетариата "должна быть государством по-новому демократическим (для* пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)" (ПСС, т. XXI, стр. 393).

«... диктатура предполагает и означает состояние подавленной войны, состояние военных мер против противников пролетарской власти», - пишет Ленин в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» (ПСС, т. 35, с. 192).

"Вы должны, - обращается Маркс к рабочим, - пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству" (см. т. VIII Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 506). Однако это далеко не всё.

Диктатура пролетариата – это не только практика борьба, не только подавление и уничтожение буржуазии.

«Но не в одном насилии, - отмечает Ленин, - сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная ее сущность в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся... Его цель – уничтожение деления общества на классы...» («Привет венгерским рабочим», ПСС, т. 38, с. 385)

Диктатура пролетариата - это созидательная деятельность, это есть способность рабочего класса овладеть отношениями собственности, способность взять в руки экономику.

«Но диктатура класса, - поясняет Плеханов партийным баранам, - как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни.

Одно понимание этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и **умеющий самостоятельно обсуждать свое положение.**

Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но **такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям.** Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить **самостоятельным деятелем** на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного **опекуна** к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что **такая опека была бы вредной**, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держит ли ее **«железный канцлер» или революционная организация.**» («Социализм и политическая борьба»)

Точно так же мыслил и Ленин: диктатура пролетариата имеет не столько разрушающую, сколько созидательную функцию.

Именно потому Ленин утверждает, что у **«социал-демократов нет задачи организации партии, у них есть задача организации всего пролетариата в политическую партию».** Именно потому, что он, вопреки собственному же заявлению, говорит, что рабочие сами нашли форму для своей диктатуры – Советскую власть. А не партию. В Советы выбирают, в партию – принимают!

Ленин предлагает VII экстренному съезду РКПб резолюцию об изменении названия и программы партии: «Программа должна указать, что партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбросит нас назад, на известное время, к этой превзойденной теперь нашей революцией исторической ступени. Но, во всяком случае и при всех обстоятельствах, партия будет бороться за **Советскую республику** как высший по демократизму тип государства и как **форму диктатуры пролетариата**, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления.» (ПСС, т. 36, с. 58).

В работе «Очередные задачи советской власти» он повторяет: «Советская власть – не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата.» (ПСС, т. 36, с. 196)

В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» он снова твердит: «*Советская власть* – вот что значит *на деле* диктатура рабочего класса.» (ПСС, т. 39, с. 158-159)

В 1905 году рабочие делегаты от заводов самостоятельно, без всяких партийных поводырей, собрались на берегу реки Талки и образовали Советы. Эти Советы управляли Иваново-Вознесенском более двух месяцев.

(Вы будете смеяться, но партийным чиновникам самостоятельность рабочих, «живое творчество масс» настолько поперек горла, что число членов РСДРП, участвовавших в собрании – ну, в ходе «научных исследований» - менялось следующим образом: в 1925 г. – 41 из 119 депутатов, в 1955-м – 56 из 150, в 1971-м – 70 из 150 и в 1980-м – 74 из 150... См. «1905 год в Иваново-Вознесенском р-не. Иваново-Вознесенск», 1925, с. 34; «Первый Совет рабочих депутатов», Ярославль, 1955, с. 7; «Первый Совет рабочих депутатов», Ярославль, 1971, с. 8; «Депутаты Первого Совета», М., 1980, с. 41. Даже память партийных функционеров выстраивается особым образом. Вот они цитируют Ленина: «Не может быть революционного движения без революционной партии,

вооруженной передовой теорией». У Ленина: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» и «... Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (ПСС, т. 6, с. 25).

Однако посмотрите: один из лидеров «Рабочей оппозиции», пермский рабочий Мясников задает вопрос: есть ли Советская власть на заводе? Иначе получается абсурд: Советская власть – на территории, в центре – а там, где «фабрики – рабочим» - пустота. Синтез из ничего. Ведь сам Ленин во II программе РКПб, принятой после 1917 года, указывает, что «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)» (ПСС, т. 38, с. 425-426). При Сталине же – по Конституции 1936 года – от этого принципа отошли и вернулись к территориальным округам.

(К началу перестройки выдвижение шло по производственным округам, а выборы и отзыв – по территориальным, что делало отзыв практически невозможным, так, за период правления Сталина отзыв составлял лишь 0,3%.)

В 20-е годы Антонио Грамши подчеркивал значение фабрично-заводских Советов («Фабрично-заводские Советы и государство рабочего класса», Избр. произв. в 3 тт., т. I, М., 1957, с. 19).

Одной из немногих попыток (разумеется, после Парижской Коммуны, английских Советов XIX в. и т.д.) было создание рабочих Советов на заводах в Италии в конце 60-х, когда пришедшие с Юга вооруженные рабочие поставили под контроль финансовую деятельность заводских администраций и избавили страну от тотальной коррупции.

Дабы выпустить пар через свисток (а также расширить возможности узкого социального слоя буржуа для охвата растущих и усложняющихся хозяйственных связей), в развитых капиталистических странах, следуя лозунгу социал-демократов 30-х годов «вовлечь рабочих в управление» владельцы заводов сами создают Советы.

Напр., в ФРГ на каждом заводе с числом работников не менее пяти, создается производственный Совет, что закреплено в «Законе о правовом режиме предприятия». Работа в таком Совете – в т.ч. в рабочее время с оплатой по тарифу.

Конечно, никакими властными полномочиями такие Советы не обладают, их аналогом в СССР были СТК, «карманные», прорабские, для имиджа, которые и управленческими функциями не обладали.

Во Франции на заводах вместо Советов – почтовые ящички, куда каждый рабочий имеет право бросить писульку со своими предложениями.

Каков же должен быть рабочий класс, чтобы быть готовым к осуществлению своей диктатуры, то есть, к участию в революционной ситуации?

Член КПРФ, актер Евгений Новиков-Дробаха, выписал 10 определений коммунизма, успев при этом абсолютно несвязно похвалить Сталина и лягнуть Хрущева, ну, надо ведь на кого-то свалить все грехи, а господь бог – безгрешен, самый главный начальник - святой. Приведем лишь те, которые сегодня либо злостно отрицаются, либо возводятся в абсолют.

Фридрих Энгельс в проекте программы Союза коммунистов «Принципы коммунизма» (конец октября 1847 года): «<...> 14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй? Ответ: Прежде всего, **управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества**, то есть будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества.

Т.е. ВСЁ общество, а не отдельные партийные индивидуумы. Не Госплан. Социализм – это живое ТВОРЧЕСТВО масс. А не партийных плановиков. И это не анархия! Это сведение многообразия «самостоятельств» в Советы.

В. И. Ленин (декабрь 1919): «Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу».

Один работает на других, второй на других, третий на других... Это же маразм. Человек, у которого нет ничего личного! Маркс пишет в III томе капитала, что при коммунизме общественно необходимый труд будет сведен к минимуму, исчезающее малой величине, за счет резкого увеличения производительности труда. Всё это – чушь. Коммунизм – это преобразование самого общественно необходимого труда, и Маркс сам пишет в «Критике Готской программы» об уничтожении противоречия между умственным трудом и физическим.

Чуть дополним: полное непонимание, что такое коммунизм, обнаруживаем и у современных западных левых светильников разума. Так. Валлерстайн на прошедшем гайдаровском форуме заявил, что вовсе не обязательно отменять частную собственность, просто системы могут быть разными, капиталистическая система уже не устраивает, ее можно заменить другой, не рыночной...

Вот, сокрушается Новиков, 11-го-то определения не выписали!

«Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, **лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов.** Поэтому установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно — создание материальных условий этого объединения; имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения. Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает всё то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть ведь не что иное, как продукт существовавшего до сих пор общения между самими индивидами.» (К. Маркс, Ф. Энгельс «Немецкая идеология», М., Политиздат, 1988, с. 64.)

Это не что иное, как позиция Анатолия Вассермана. Вот сделают компьютер лучше, увидят все более эффективную экономику, вот и наступит коммунизм.

Прав был Ленин: экзальтируй одну сторону явления, и получишь идеализм. Вассерман не понимает, что план — это завоевание именно капитализма. Коммунизм же — это не механизм, не катание бильярдных шаров, а общество, экономика — не лошадь Козьмы Пруткова, которую шелкнешь в нос, так она закономерно махнет хвостом. Неведомо, как Новиков умудрился не выписать главного: коммунизм — это отсутствие классов. То есть, не только буржуазии, но и рабочего класса. Т.е. коммунизм есть снятие противоречия между умственным трудом и физическим. И никакие социализмы. Устроенные отдельно от всего общества у себя на кухне, никакие образцовые коммуны, никакие героические попытки самоуправления тут не помогут.

Ленин всерьез считал, что как только рабочий класс взял в руки средства производства, он перестал быть рабочим классом. При сохранении тяжелого обезличивающего труда!

Нужно раз и навсегда понять, что противоречие не уничтожается путем расстрела одной из двух (в гегелевской диалектике) его сторон. Иначе черный монотонный, однообразный (абстрактный) труд воссоздаст ее обратно — из рабоче-крестьянской среды.

Ленин, как мы читали выше, тоже не считал просто уничтожение буржуазии переходом к коммунизму. Но он разрешал его донельзя просто: путем перевоспитания мелких хозяйчиков. Всё!

До понимания тяжелейшего утверждения Маркса, что «уровень развития капитализма определяется тем, насколько наука стала производительной силой», оставалось еще столетие.

ОШИБКА ЛЕНИНА?

В «Докладе об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса...» Ленин пишет: «Революция 25 октября показала чрезвычайную политическую зрелость пролетариата, выявившего способность стойко противостоять буржуазии. Но для полной победы социализма требуется колоссальная организованность, проникнутая сознанием, что пролетариат должен стать господствующим классом... Вопрос в том — победить или быть побежденным. Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и **каждый пролетарий**, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя **руководителем** и повести за собой массы. ...»

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически... Управление государством должен взять на себя пролетариат...»

В другой статье: «Социализм — это когда **каждый** после отработки своего 8-часового урока занимается **государственной** деятельностью.» («Очередные задачи Советской власти») Каждая кухарка должна **учиться** управлять государством! И, наконец: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. ... социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами.» (7-й экстренный съезд РКПб)

Отчего ж не получилось? Ни в 1918-м, ни в 1988-м?

Давайте, отметим смешную деталь: у Ленина *субъективный* фактор стал *необходимым*. То есть, объективным. А в изложении сталинистов, троцкистов и анархистов — более важным, чем прочие объективные факторы. Поскольку они подменили класс партией, получилась замечательная вещь: хорошая партия — самое важное, при хорошей партии можно устроить социалистическую революцию и при феодализме. Так ныне думают и троцкисты, и анархисты, и сталинисты. Нам не нужно разбирать более грубую ошибку Сталина, укажем лишь, что в своем возвеличивании партии он попросту уходит от марксистского понимания истории в домарксистское. Исторический материализм, не отрицая роли личности, означает понимание истории как борьбы классов. Домарксистская наука трактовала бытие человечества как историю других ее субъектов: например, партии Петра I и партии Софьи с Голицыными.

Сталинисты попросту забыли указать, что кроме такого субъекта истории, как партия, есть еще другой субъект истории — класс... Ах, нет. Не забыли. Они говорят о диалектике отношений между классом и партией. При этом у партии — обязательно руководящая роль. Из всех объективных факторов субъективный партийный фактор у сталинистов стал главным! Роль рабочего класса — подчиненная. Партия привносит в класс классовое сознание. Да-да, именно так и выразился однажды украинский «марксист» Юрий Шахин: «Мы пытались привнести классовое сознание...» Представляю картину — подходит эдак такой партиец к группе рабочих: «Ну, что, бараны?

Щас буду в ваши головы, безграмотные, недоразвитые классовое сознание привносить.» Они такие, партийные. Хвать кого-нибудь на улице – и ну сознание привносить. Люди уже боятся в одиночку за хлебом в магазин сходить.

Таким образом, в диалектической паре первичным избран царь, вторичным – народ. **Исторический материализм выбирает наоборот: класс – первичен, партия – ВТОРИЧНА.**

Никто не говорит, что партия не нужна. Просто не нужно телегу запрягать впереди коня, как это делают сталинисты. Да и все прочие буржуазные партии.

Но сосредоточимся на том, в чем ошибся Ленин.

Он сделал акцент на настроении масс, которое не может длиться в течение пятилетки. Акцент на силе революционного действия, дабы что-нибудь сломать. Поэтому этот фактор и субъективен.

В начале своего возникновения рабочий класс раздроблен, «атомизирован», как на фабрике-заводе, так и в стране. Это класс номинально, количественно, как говорят (в терминах Гегеля) – класс-в-себе. Рабочий класс, в котором вывели единые интересы – качественно иной, как говорят – класс-для-себя. Если эти интересы вывели: можно свалить старое правительство. А сломать старую государственную машину и заменить ее новой, социалистической?

Но ведь диктатура пролетариата – не столько в ломке, сколько в строительстве. **Как только мы это указали, фактор революционности класса перестает быть субъективным. Он становится объективным. Более того: самым важным среди объективных.** Этот фактор сразу указывает на уровень развития капитализма, на производительных сил в стране и его самой важной части – трудящихся. Во-вторых, он указывает на наличие материальной практики рабочего движения, его борьбы с буржуазией. Мы теперь понимаем, что рабочий класс может становиться классом-для-себя не только к моменту социалистической революции, но и к началу всеобщих забастовок за повышение зарплаты, за лучшие условия продажи рабочей силы. Чтобы рабочие стали таким классом-для-себя, чтоб взять в руки управление страной, нужно кое-что еще: их способности к этому.

1) Для начала рабочие должны быть сплоченными.

В книге «К критике гегелевской философии права» (1844) Маркс пишет: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem* (в переводе с латинского: доказательство применительно к данному лицу - имеется в виду, что теория должна отвечать **непосредственным интересам и потребностям каждого человека**, к которому она обращена, а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной; **быть радикальным - значит понять вещь в ее корне**, *radix* в переводе с латинского «корень»). Но корнем является для человека сам человек... ».

Ленин, естественно, повторял эти слова Маркса. Но специалисты по трактовке Ленина в нужную им сторону урезали фразу и приписали ему лишь слова о том, как идея, овладевая массами, сама по себе становится материальной силой. А кто у нас разносчик идей? Конечно же, любимая партия, ум, честь и совесть! Так еще раз субъективный фактор стал объективным, вторичное – первичным. По сей день руководители компартий так и думают, что из класса-в-себе в класс-для-себя затаскивает рабочих именно партия, а источником сплочения класса является его членство в партии.

На самом деле рабочие потому класс, потому не ремесленники, что есть классовобразующая база: производство. Именно оно сплачивает – вспомните шахтеров. Их сплачивает и опасность. И даже то, что они не могут по одиночке курить в шахте, а вместе выходят на поверхность. В машиностроении же, наоборот, больше разобщающих факторов.

Именно производство, а не причитания партийных поводырей, генерирует единство интересов (а не одинаковость, типа у 100 000 человек в городе в ванной течет). Если производство разрушено, никакие социалистические идеи никакими массами никогда не овладеют.

То есть. Все мы знаем, что КПРФ – системная оппозиция, в переводе – карманная, ей власть, которую они стремятся свергнуть, деньги платит за участие в выборах. После того, как ЦБ РФ, не в пример Ирану, ввел санкции против России, после повышения цен, все друзья народа, такие, как КПРФ и либеральная несистемная оппозиция, решили срочно начать жалеть рядовых тружеников. Схема проста: **чтобы подавить возможный протест снизу – его нужно возглавить.** Собственно, за тем Кремль и держит несистемных либералов, ДПНИ, Славянский союз, КПРФ и пр.

Казалось бы, такие организации, как Левый фронт, РКРП, ВКПб и т.п., в отличие от КПРФ, стоят на переднем крае классовой борьбы. Только вот... сам рабочий класс не борется. За него борются леваки. А мы с вами уже знаем, что левачество и радикализм – вещи разные. Можно сказать – противоположные.

Так вот, надежды всяких скворцовых (ЦК КПСС), удалцовых и т.п. на буржуазно-демократическую революцию под эгидой либералов и ее дальнейшее перерастание в революцию социалистическую есть невероятная чепуха. По той простой причине, что производственная классовообразующая база в России – разрушена, бастуют только отдельные автозаводы типа Форда, где у рабочих приличная зарплата – и то лишь за более качественное сено в стойле. Производительные силы – деградированы, заводы закрываются точно так же, как при Ельцине, рабочие задавлены ценовым прессом, разобщены, боятся увольнений.

Именно поэтому когда в России наступило резкое обнищание, когда зарплаты и пенсии задерживали на годы, когда гуляла гиперинфляция, революционной ситуации не сложилось – население просто вымирало. И вымирает по сей день.

Кроме того, не только низы не желают восстать, но ждут, что кто-то это сделает за них, но и верхи – находятся на вершине своего благополучия. Специфика российского буржуа в том, что ему не нужно развитие производства, не нужно внедрение новых технологий, создание рабочих мест и пр. Средней нормы прибыли, чтобы не прогореть, он достигает за счет замораживания или задержки зарплаты. Сырьевой же буржуазии и этого не требуется. Так было до нефтяного бума в 2003-м. Но, в отсутствие внутренней конкуренции, страны бывшего СЭВ сами подтолкнули российскую сырьевую буржуазию к развитию из класса-в-себе в класс-для-себя. Ей понадобилось государство как орудие исполнения единых классовых интересов. Россия обошла Вентспилс, был выстроен Северный поток, начат Южный поток. Разумеется, буржуазии других стран становление российской буржуазии крайне не понравилось – отсюда и финансирование Госдепартаментом несистемной оппозиции.

Однако процесс перерождения из компрадорской буржуазии в класс-для-себя (в национальную буржуазию) еще в самом начале, потому Кремль мечется от воссоединения с Крымом до заклания Новороссии. Во всяком случае, это говорит о том, что «верхи не могут», даже несмотря на всю профнепригодность представителей Российской власти, приложить к российским верхам невозможно.

2) И второе: рабочие должны быть готовы к управлению. И подготовку эту не заменит никакой ликбез госслужбы. Рабочие должны овладеть отношениями частной собственности на уровне завода, города, страны – без этого и мечтать об отмене частной собственности не приходится. Для этого овладения нужно, чтобы у рабочих было минимум **высшее образование**. Для этого нужно, **чтобы капитализм потребовал рабочего с высшим образованием, не просто для заводского экспериментального КБ, а для всей экономики в целом**. На уровне всеобщего. Вот **рабочий класс нового типа**. Вот уровень той революционной ситуации, которая сможет закончиться мировой социалистической революцией. То есть, экспроприацией у буржуазии функций управления экономикой. И за содеянное буржуазию – из большой гуманности – не в концлагерь, где труд неэффективный, а в клиники, на органы, в крайнем случае – на развитие рыбного хозяйства и системы зоопарков. Красную гвоздику – в петлицу, товарищ!

Заметим одновременно, что и рабочий **контроль за госчиновником невозможен без высшего образования**. Бакунин же говорил, что буржуазии для удержания своего господства достаточно одной привилегии – образования.

И это образование (в современном случае, при гораздо более сложном производстве – высшее) должно востребовать развитие капитализма, причем не так, как вчера (в СССР 15% рабочих имели высшее образование, но им в процессе труда не пользовались), а на уровне всеобщего.

А с другой стороны, коль скоро речь зашла о власти.

29 декабря 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы». Первым пунктом значилось: «Отменить установленные при допуске к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей. 2. В высшие учебные заведения и техникумы, состоящие в ведении народных комиссариатов СССР, народных комиссариатов союзных республик или иных учреждений и организаций, принимать всех граждан обоюбого пола, выдержавших установленные для поступления в эти учебные заведения испытания.»

То есть. Для детей рабочих и крестьян резко усилили конкуренцию, резко снизили число людей с высшим образованием из рабочих и крестьян. После этого оставалось считать дни до прихода Ельцина...

Но что, Ленин не соображал разве - рабочий без образования не может контролировать госчиновника? Разумеется, соображал, и сам писал: «... эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех "тайн" (обычаев, приёмов, средств, возможностей) управления, остаётся **более высокое образование**, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остаётся неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее" (ПСС, т. XXIII, стр. 354).

Ленин сам отваживал рабочих, которые требовали у него подписал указ о передаче завода из рук капиталиста в руки трудового коллектива (в лице фабзавкома, напр.), если они не знали, как организовать производство, откуда брать сырье, куда поставлять товар и т.д.

И Адам Смит, и Маркс писали о монотонном отупляющем, обезличивающем труде рабочего. В 1989-м самарский марксист Эля Никишина с трибуны конференции Марксистской рабочей партии кричала: «Быть пролетарием – несчастье!» Ну, понятно, что имела в виду, хотя научный сотрудник – тоже пролетарий. По определению, данному Марксом – Энгельсом. Разумеется, Ленин не обошел стороной классиков в таком важном вопросе. Однако он был уверен, что даже в России практичные рабочие не позволят, не допустят и т.д. Выходит, не соображал?

Еще как соображал. Не мог же он пройти мимо требования Маркса в «Критике Готской программы» ликвидировать противоречие между умственным и физическим трудом. Сравните с «Детской болезнью левизны» следующий отрывок:

«А что значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, одна из которых может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, надо еще и отменить всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми умственного и физического труда». («Великий почин», ПСС, т. 39, с. 14-15)

Зато соображал и кое-что другое: Россия, конечно, отсталая и потому со своим социализмом ни в какие теоретические ворота не лезет. Однако революционная, «слабое звено в цепи империализма». Если эту цепь порвать, если на локоть кишки мировому империализму намотать (и это не метафора, в России к 1917 году 50% экономики принадлежало иностранному капиталу), если развитые страны подхватят – какие вопросы. И вмазал будущим сталинистам: наша революция имеет смысл лишь тогда, если совершится революция в развитых странах. А построение социализма в отдельно взятой стране – мелкобуржуазный идеал!

Но не подхватили. И в развитых странах до образованного рабочего семь верст, да всё лесом. Не развился еще до такого уровня капитализм, а ведь Маркс, как мы читали выше, предупреждал: уровень развития капитализма определяется тем, насколько наука стала производительной силой.

Итак, Ильич накосячил с теорией?

...

Тони Клифф (которого почему-то записывают в троцкисты, хотя он их терпеть не мог), либерал Игорь Аверкиев, а за ними публицисты левого толка Александр Тарасов и Борис Кагарлицкий, исходя из результатов революции 1917 года, объявили ее буржуазной. Здесь у перечисленных авторов недопонимание в следующих вопросах: 1) соотношение теории и практики. Если физики на стихийном уровне понимают, что практика первична, то Ленин, как диалектический материалист, утверждал, что практика выше теории (это весьма болезненный вопрос для КПРФ, и не только – для всех партий, для всех теоретизирующих); видите ли, в чем дело: уже в физике детерминизм носит даже не вероятностный, а квантово-стохастический характер, придавать общественному закону механистический характер – это, по Марксу, грубый объективизм. Речь не идет о том, чтобы лихо отмахнуться от общественных законов, речь о другом – как их понимать – см. п. 2. С другой стороны, Ленин не скрывал, что Октябрь 1917-го – это перевернутая марксова схема 2) Способ производства и общественно-экономическая формация – разные вещи.

Чтобы почувствовать некорректность постановки вопроса об ошибках в теории и утверждения о буржуазном характере революции, предлагаю желающим совершить путешествие в прошлое: похлопать по плечу Кромвеля, Демулена, Робеспьера – куда, мужики? Рано. Теория не позволяет. Не быть еще капитализму. Всякие левеллеры, французские крестьяне со своей Жакерией, варлены с делеклюдозами и прочая гольтьба – вообще никшните! Господа Спартак, Болотников, Булавин, Разин, Артигас и иные несознательные элементы – как можно! Разве вы не знаете, что надо идти цивилизованным путем, как нам указывают иноземцевы, буггалины, шендеровичи и прочие светильники разума?

Но и английскую, и Великую французскую революцию упорно называют буржуазными. И правильно делают – подробнее см. главу «Что такое революция» (в кН. «Почему КПСС...»), а также мою книжку «Конец истории либеральной демократии».

Чем плох капитализм, кроме того, что это эксплуататорский строй? Почему эта система себя изживает? Почему Ленин говорил, что революционная ситуация – когда «верхи не могут, а низы не хотят»?

Низы не хотят, чтобы их эксплуатировали, не хотят быть винтиками в механизме, не хотят, чтобы труд делал из человека обезьяну, обезличивал.

А верхи почему не могут? Потому что рост производительных сил вступает в противоречие с отжившими производственными отношениями. В чем это выражается? В том, что аппарат управления не в состоянии

охватить всё богатство экономических связей. Узурпация управления узким социальным слоем становится невозможной.

Примером того, как верхи не справлялись с управлением является ситуация в СССР в конце 80-х. Что привело к краху КПСС и распаду системы.

Но даже самая наиреволуционнейшая ситуация с самым образованным и боеготовым рабочим классом вовсе не означает, что революция победит.

Как указывал Гегель, если система не в состоянии удержать противоборствующие силы в единстве, она, вместо разрешения противоречия в новое, на более высоком уровне развития, просто распадается. Что и произошло в СССР.

И вот тут... Общество – не система бильярдных шаров, история, как пишет Энгельс, разворачивается как проявление именно субъективного фактора – но только не в сталинистском смысле, а в смысле индивидуального волеизъявления миллионов.

***

Ныне в столицах модно говорить о революционной ситуации в России. В свете сказанного - никакой революционной ситуации ныне в России нет. Под революцией как патриоты, так и либералы понимают только замену одного царя на другого.

Дополнительно см. мою книгу «Почему КПРФ и КПСС – антикоммунистические буржуазные партии» здесь: <http://shtirner.ru/knigi/>, в списке.